

—

Хотя две конфеты на весь день были съедены, Лу Синцзя был счастливее, чем если бы съел целую пачку конфет.

Вплоть до обеда, когда Цю Жуйфэн потащил его есть, уголки его губ всё ещё непроизвольно поднимались, почти до самых ушей.

Цю Жуйфэн от утреннего урока физики совсем замучился, а теперь, видя, как Лу Синцзя улыбается, как идиот, просто не мог понять: «Чего ты улыбаешься? Тебе что, понравилось утреннее занятие по физике?»

Лу Синцзя смеялся, как кот, укравший рыбу: «Да, физика делает меня счастливым».

«...»

Цю Жуйфэн тихо пробормотал: «Неужели удар учительницы Лю по голове действительно так полезен?»

Работал только класс олимпиадников, поэтому еда в столовой была скудной. Из трех этажей работал только один, и окон, где можно было взять еду, было очень мало.

Что ж, Лу Синцзя был вынужден выбрать классический рисовый набор.

Цю Жуйфэн тоже взял рисовый набор, они нашли свободное место и сели, непринужденно болтая.

Цю Жуйфэн считался отличником по естественным наукам, набрав более 90 баллов по физике на экзамене в конце семестра, но после утренних олимпиадных задач у него все равно болела голова. Он всё больше удивлялся и поднял голову, спрашивая: «Эй, Цзяцзя, скажи мне честно, почему ты вдруг захотел заниматься олимпиадной физикой?»

«Если ты хочешь учиться, то ты хочешь учиться. Что же ещё?»

Лу Синцзя, склонив голову, ковырялся в своей тарелке с едой, бормоча.

«Но...» — Цю Жуйфэн начал говорить, но запнулся: «Не обижайся на мои прямые слова, ты же слышал, что сказал Чу Гэ? Путь олимпиады довольно сложный, и я видел, что ты раньше не очень хорошо знал физику. Если это просто мимолетное увлечение, не надо упираться, иначе

ты только себе навредишь».

Закончив говорить, Цю Жуйфэн сразу же с напряжением посмотрел на Лу Синцзя, боясь, что тот рассердится на его слова.

Ведь никто не хочет признавать, что он ни на что не способен.

Лу Синцзя тоже знал, что Цю Жуйфэн желает ему добра, и благодарно улыбнулся.

Он глубоко вдохнул, серьезно произнес: «Спасибо тебе, но это действительно не мимолетное увлечение, я действительно хочу изучать физику».

В прошлой жизни он постоянно находился в состоянии хаоса, плыл по течению: учеба, экзамены, выпускной, работа, а затем стал одним из миллионов офисных работников.

Обычный и посредственный, без каких-либо достижений, каждый день беспокоящийся о хлебе насущном, о том, ехать ли завтра на автобусе или на велосипеде, жизнь стёрла все его острые углы и резкость.

Он познал все вкусы жизни – кислый, сладкий, горький, острый, соленый – и больше не хотел такой жизни.

Он знал, что путь олимпиады нелегок, и у него не было «волшебной палочки» из тех крутых романов о перерождении, но «иметь искреннюю мечту» – это уже то, чему завидовал его трусливый «я» из прошлой жизни.

В прошлой жизни из-за минутного малодушия он не последовал зову своего сердца. Переродившись, он стиснет зубы и выберет тот путь, по которому действительно хочет идти, даже если он усыпан шипами.

Он хотел стоять рядом с Цинь Мудуном, не только чтобы изменить его судьбу, но и чтобы изменить свою собственную.

Лу Синцзя вдруг улыбнулся, обнажив свои белые маленькие клыки: «Слышал ли ты ту фразу: «Если есть мечта, каждый велик»?».

Цю Жуйфэн внимательно разглядывал Лу Синцзя, чувствуя, что в нем что-то изменилось.

Он по-прежнему был таким же улыбчивым и добродушным, как и раньше, но что-то действительно было по-другому.

Будто он светился.

Цю Жуйфэн помолчал две секунды, затем серьёзно извинился: «Прости, я ошибся на твой счёт».

«Ничего-ничего», — Лу Синцзя беззаботно махнул рукой, зная, что Цю Жуйфэн желает ему добра, и совсем не собирался с ним препираться: «В конце концов, это нормально, что ты удивляешься, когда двоечник вдруг решает исправиться. По моей дальнейшей работе всё увидишь!»

Цю Жуйфэн тоже убрал последние сомнения и нарочно подшутил над ним: «Посмотрим, как физика будет тебя по полу топтать?»

Лу Синцзя беспомощно: «Ты не можешь подумать о чём-нибудь хорошем? Может быть, это я буду топтать физику!»

«Ха-ха-ха-ха», — Цю Жуйфэн, словно наткнулся на шутку, которая его рассмешила, смеялся долго, прежде чем прийти в норму. Он посмотрел на Лу Синцзя и серьёзно сказал: «Но если честно, ты действительно собираешься сидеть с Цинь Мудунем за одной партой? А может, в следующий раз, когда будем пересаживаться, мы сядем вместе? Мы могли бы обсуждать задачи. Он же с тобой и не разговаривает».

«Вовсе нет!»

Лу Синцзя почувствовал себя уязвлённым и сердито надулся: «Мудун Гэгэ очень хороший, сегодня на уроке даже со мной разговаривал!»

«...Мудун Гэгэ?»

Теперь очередь Цю Жуйфэна была шокирована: «Вы раньше были знакомы?»

«Да,» — Лу Синцзя кивнул, как будто толлок чеснок, — «С детства знакомы. Он всегда был суперкрутым!»

Цю Жуйфэн сразу же заинтересовался: «Правда? Гений в детстве? Что-нибудь интересное, расскажи?»

«Дай подумать...» — Лу Синцзя тщательно вспоминал: «Раньше, когда шёл снег, мы вместе зонтом сбивали снег с деревьев, так сильно разбушевались, что даже зонт погнули, а мне потом мама выговор устроила; мы ещё ловили воробьев, Мудун Гэгэ был такой умный, сделал простую клетку, и быстро поймал нескольких, но потом мы пожалели воробьев ипустили их; а ещё, хотя он внешне кажется крутым, на самом деле он очень любит молочные конфеты «Белый кролик», я полюбил молочные конфеты из-за него!»

«Ух ты! Правда? Гений в детстве был таким интересным?» — Цю Жуйфэн, словно открыл новый континент: «Значит, чтобы хорошо разбираться в физике, нужно есть молочные конфеты, понял. Я сейчас же пойду в магазинчик и куплю пакет».

Лу Синцзя: «...»

Как он пришёл к такому выводу?

Пока они двое весело болтали, позади них поднялся парень с холодными чертами лица и безразличным выражением, прошел мимо них с подносом, принеся с собой порыв холодного ветра.

Цю Жуйфэн подмигнул Лу Синцзя: «Посмотри! Это твой Мудун Гэгэ!»

«...»

Лу Синцзя готов был плакать от отчаяния.

Цю Жуйфэн похлопал его по плечу: «Твое хвастовство поймал на слове сам гений, пожелай себе удачи, братан».

Он только что видел, как Цинь Мудун сидел за ними, и, думая, что Лу Синцзя знает, он про себя восхищался его смелостью, как вдруг его поймали с поличным.

Лу Синцзя тихонько вздохнул.

Он, конечно, говорил правду, каждую историю из детства он помнил наизусть. Но поскольку это были личные истории двоих, он не был уверен, захочет ли Цинь Мудун, чтобы их слышали другие.

Цинь Мудун ушел, и Лу Синцзя потерял интерес к еде, наспех доел блюдо, чтобы отнести поднос.

«Подожди меня, пойдем вместе!»

Цю Жуйфэн тоже закончил обед и пошел с Лу Синцзя обратно в класс.

Сейчас было летнее расписание, время обеденного перерыва было очень долгим. Все разъехались по общежитиям или домам, и в классе редко бывало так мало людей.

Лу Синцзя специально сказал Хэ Си, что не вернется домой на обед, а воспользуется каждой

минутой, чтобы учиться в классе. Хэ Си кивнула, согласившись, но посчитала, что это просто его мимолетный каприз.

Вернувшись в класс, Цинь Мудун сидел тихо, читая книгу, слегка нахмурившись.

Лу Синцзя инстинктивно замедлил шаг, осторожно вернувшись на свое место рядом с ним.

Цинь Мудун слегка приподнял веки, взглянул на него и равнодушно отвел взгляд.

Лу Синцзя моргнул, написал записку и осторожно протянул ему.

[Ты сердишься?]

Цинь Мудун взглянул, но не ответил.

Лу Синцзя продолжил писать: [Прости, я не специально, мне просто очень нравилось то время, когда мы играли вместе! Я не имел в виду ничего плохого!]

Написав, он снова осторожно ткнул Цинь Мудуна и протянул ему записку.

Игнорирует.

Тогда он протянул ещё одну: [Пожалуйста, не сердись на меня, ладно?]

И ещё одну: [Если ты не сердишься, скажи мне хоть слово!]

Казалось, будто если Цинь Мудун не ответит, он будет продолжать писать.

Почерк Лу Синцзя был очень красивым, округлым и полным, таким аккуратным и изящным. Когда он писал сочинения по английскому языку, учительница всегда брала его работы в качестве примера, говоря, что проверяющие учителя больше всего любят именно такой почерк.

Цинь Мудун ничего не мог поделать, впервые почувствовав, насколько Лу Синцзя упрям.

Он равнодушно произнес: «Не сержусь».

Глаза Лу Синцзя просияли: «Правда?»

«Угу,» — Цинь Мудун слегка нахмурился, — «Впредь не упоминай о прошлом».

«Почему?!»

Лу Синцзя инстинктивно переспросил, но не дождавшись ответа Цинь Мудуна, снова опустил глаза.

Густые, как воронье перо, ресницы отбрасывали на лицо легкую тень. Лу Синцзя беспомощно вздохнул: «Хорошо, если тебе не нравится, я больше не буду говорить, но договоримся: на этот раз ты не должен на меня сердиться...»

Почему он не хочет вспоминать прошлое?

Цинь Мудун тоже спрашивал себя.

Наверное, потому что те воспоминания были слишком прекрасны, настолько прекрасны, что казались нереальными.

Он построил для себя дом без единой щели, вокруг была тьма, и только там, как бы он ни старался закрыть, проникал свет.

Это беспокоило его.

Цинь Мудун опустил глаза и холодно произнес: «Мне это не нравится».

Это было сказано скорее себе, чем Лу Синцзя.

«Ладно, ладно», — Лу Синцзя кивнул, соглашаясь, расстроившись на несколько секунд, а затем вернулся к своему обычному солнечному виду.

Он изо всех сил поднял уголки губ и моргнул Цинь Мудуну: «Тогда договорились, ты не будешь на меня сердиться!»

Улыбается так ярко, так горячо и тепло, словно... светится.

В сердце Цинь Мудуна внезапно поднялось чувство раздражения, которое он не мог ни обойти, ни проглотить.

Слишком ярко. Его мир должен быть чёрным, в нём не должно быть таких красок.

В конце концов, всё яркое и тёплое всегда теряется, он предпочёл бы никогда этого не иметь.

Цинь Мудун нахмурился, и спустя столько времени впервые снова произнёс имя Лу Синцзя: «Лу Синцзя».

Лу Синцзя инстинктивно поднял голову, встретившись с его темными глазами. Насыщенный цвет глаз был подобен глубокому омуту, холодному до удушья.

«Я не знаю, какие цели ты преследуешь по отношению ко мне, но могу четко тебе сказать: в этом нет необходимости. Люди меняются, и я тоже не тот Мудун Гэгэ из твоих воспоминаний. То прошлое уже давно стало прошлым, ты...»

Цинь Мудун равнодушно опустил глаза, скрывая эмоции: «Ты всё это забудь».

То, что он принял его молочную конфету, уже вышло из-под контроля. Теперь пусть их отношения снова вернутся в прежнее русло.

Как только он произнёс эти слова, тут же раздался мягкий юношеский голос: «Я не забуду».

Вопреки ожиданиям Цинь Мудуна, на лице Лу Синцзя не было и тени разочарования. Глаза юноши сияли, в них читалась серьёзность: «Если тебе не нравится, чтобы я говорил об этом, то я больше никогда никому не скажу, но для меня это самое ценное воспоминание, и я его не забуду».

Красивые глаза Лу Синцзя изогнулись полумесяцем: «Как бы ты ни изменился, ты всегда будешь моим Мудун Гэгэ».

В прошлой жизни он отпустил его руку из-за холодности Цинь Мудуна. Пережив всё заново, он не позволит такой маленькой трудности снова сломить его.

Цинь Мудун открыл рот, но слова застряли в горле.

Раньше не было такого, чтобы за ним не бегали люди: нравился он многим девушкам, а друзей у него было бесчисленное множество. Все были полны решимости, но в итоге всегда легко уходили.

А вот Лу Синцзя, словно привязчивый хвостик, пушистый и тёплый, щекотал его сердце.

Цинь Мудун слегка опустил глаза и тихо сказал: «Как хочешь».

Лу Синцзя тихонько вздохнул с облегчением и в душе показал себе знак «V».

Время обеденного перерыва быстро закончилось, и новый учитель вошел в класс одновременно со звонком.

«Ребята, уберите всё со столов, достаньте учебники по китайскому языку и откройте страницу 10...»

В классе раздался шелест переворачиваемых страниц, Цинь Мудун тоже убрал книгу по квантовой механике в ящик стола.

Стол опустел, но несколько маленьких листочков с записками всё ещё тихо лежали там.

Буквы на бумаге были изящными и милыми, как и их владелец.

Цинь Мудун с силой скомкал бумагу, собираясь выбросить её в мусорное ведро позади себя, но в последний момент перед глазами снова возникла сияющая улыбка Лу Синцзя, никак не желавшая исчезать.

В конце концов, он сунул руку в ящик стола и наспех достал учебник китайского языка.

«От маленького холма на запад сто двадцать шагов, через бамбуковую рощу, слышен звук воды, как звон нефритовых украшений, сердце радуется...»

Учитель китайского языка попросил весь класс прочитать текст вслух, и в классе раздалось гудение голосов.

Под ярким летним солнцем, в слегка затемнённом ящике стола, несколько маленьких комочков бумаги и та книга по квантовой механике тесно прижались друг к другу.

Гармонично и спокойно.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282427>